

УДК 930.1

Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед¹,
Т. Т. Кручковский², доктор исторических наук, доцент

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», ул. Ожешко, 22,
230023 Гродно, Республика Беларусь, ¹+375 (25) 640 59 37, ²+375 (29) 783 72 42,
tkruczkowski@yahoo.com

ЗАРОЖДЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена малоисследованной в исторической науке проблеме — рассмотрению историографических оценочных подходов применительно к аспекту зарождения и развития исторических знаний на Древнем Востоке. Авторы в историографическом плане рассматривают некоторые выбранные аспекты тематики зарождения исторических знаний на Древнем Востоке.

Актуальность исследуемой проблематики определяется тем, что ее научная разработка способствует осмыслению философско-исторического наследия древних цивилизаций, что, в свою очередь, помогает определению вектора и особенностей развития человечества на современном этапе с позиции цивилизационного подхода. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей разработки проблематики зарождения и развития исторических знаний на Древнем Востоке, в чем и заключается их практическая значимость.

Отмечаются причины и формы возникновения исторических знаний как восприятие и осмысление человеком прошлого своей истории. Обсуждается проблема места возникновения историописания в связи с античной традицией возникновения истории. Авторы показывают основные историографические теории места и времени зарождения и развития исторических знаний на Древнем Востоке. Выделены основные труды исследователей по заявленной тематике, как русскоязычные, так и западной исторической науки. Показана преемственность и особые черты историографических оценочных подходов по исследуемой тематике.

Ключевые слова: историография; исторические знания; Древний Восток; античность; ассириология; преемственность; традиции историописания; проблема места возникновения историописания.

Библиогр.: 30 назв.

Mohammed Amir Abdul Jabbar Mohammed¹,

T. T. Kruczkowski², Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Institution of Education “Yanka Kupala State University of Grodno”, 22 Ozheshko Str., 230023 Grodno,
the Republic of Belarus, ¹+375 (25) 640 59 37, ²+375 (29) 783 72 42, tkruczkowski@yahoo.com

THE EMERGENCE OF HISTORICAL KNOWLEDGE IN THE ANCIENT EAST: HISTORIOGRAPHICAL ASPECT

The article is devoted to a little-studied problem in historical science: consideration of historiographical evaluative approaches in relation to the aspect of the emergence and development of historical knowledge in the Ancient East. The author of the article in historiographical terms considers some selected aspects of the topic of the emergence of historical knowledge in the Ancient East.

The relevance of the researched problem is determined by the fact that its scientific development contributes to the understanding of the philosophical and historical heritage of ancient civilizations, which in turn helps to determine the vector and features of human development at the present stage from the standpoint of the civilizational approach. The results of the study can be used for further working-out of the problem of the emergence and development of historical knowledge in the Ancient East, and this is their practical significance.

The reasons and forms of the emergence of historical knowledge as a person's perception and understanding of the past of his history are noted. The problem of the place of the emergence of historiography in connection with the ancient tradition of the emergence of history is discussed. The author of the article shows the main historiographical theories of the place and time of the emergence and development of historical knowledge in the Ancient East. The author highlights the main works of researchers on the stated topic, both Russian-language and Western historical science. The continuity and special features of historiographic evaluative approaches to the topic under study are shown.

Key words: historiography; historical knowledge; Ancient East; antiquity; Assyriology; continuity; traditions of historical writing; problem of the place of emergence of historical writing.

Ref.: 30 titles.

Введение. Современный цивилизационный дискурс делает актуальными исследования по истории Древнего Востока. Как одно из проявлений особенностей цивилизационного развития этого региона следует, на наш взгляд, рассматривать процесс появления и развития исторического знания из мифологии и профессиональных систем.

Историческая наука, как одна из основ гуманитарного знания, отличается рядом специфических черт, одна из которых заключается в том, что историк, как правило, не встречается непосредственно с предметом своего изучения — человеком и человеческим обществом прошлого, а знакомится с ними лишь по оставленным ими следам, т. е. историческим источникам.

Большинство источников, особенно письменные, фиксируют событие или явление уже *post factum*, после того, как оно произошло, что обуславливает неизбежное и необходимое отношение к нему, его осмысление и оценку тем, кто осуществляет фиксацию данного события или явления (ретроспекция познания). Поэтому выявление специфики восприятия и осмысления человеком прошлого своей истории представляет собой важную предпосылку истинности и действенности современной исторической науки, переживающей вместе со всем нашим обществом трудную пору переоценки ценностей. Исходя из этого, следует напомнить мнение одного из ведущих российских историков М. А. Барга, что «человек — существо историческое, которое познает себя только в ходе истории и посредством истории» [1, с. 50].

Как отмечается в научной литературе, история — всегда диалог между настоящим и прошлым, между эпохами и поколениями, и «каждая эпоха выбирает себе в прошлом, иногда осознанно, иногда стихийно, традиции, близкие ей по духу, служащие коррелятом ее опыта» [2, с. 5]. Многие факты — увлеченность восточными религиозно-философскими и эстетическими учениями, популярность восточного словесного и изобразительного искусства и т. д. — говорят о том, что в отличие от человека XVIII—XIX веков, для которого коррелятом его опыта была классическая античность [3, с. 308—324], человек конца XX века в поисках собеседника все чаще обращается к Востоку, особенно к Древнему Востоку.

Заявленная проблематика исследования недостаточно известна в историографии, в том числе русскоязычной. Поискам ответа на вопрос, где родилась история, и рассмотрению античной традиции историописания была посвящена не одна дискуссия ученых, начиная с работ патриарха немецкой классической филологии У. фон Виламовиц-Меллендорфа [4, с. 11]. Среди многочисленных трудов, посвященных этому сюжету, прежде всего следует обратить внимание на труды Ф. Якоби [5], А. Момильяно [6], А. Дж. Вудмана, И. С. Моксона, Дж. Д. Смарта [7], Э. Мараско [8].

Некоторые фрагменты заявленной проблематики отмечались в советской историографии в связи с изучением историографии Древнего Востока. Существенным вкладом является исследование А. И. Немировского [9]. Рассматривая произведения стран Древнего Востока, содержащие сведения по их истории, А. И. Немировский не считал возможным говорить о существовании в этих странах историографии [9, с. 12]. Он в духе советской историографии возражал против утверждений, будто современное понимание истории восходит к ветхозаветным сказаниям, а не к греческой историографии и философии, трактовавшимся уже античными авторами как наука. Так, А. И. Немировский полагал, что историческая мысль хоть и питалась материалом мифов, но начиналась все же с критики мифологического мировоззрения, и корни историографии следует искать в ионийской науке [9, с. 12].

Значительный вклад в изучение ветхозаветных книг Библии сделан советско-израильским ученым И. П. Вейнбергом [10]. Весьма интересна его характеристика историзма ветхозаветных книг Библии в контексте ближневосточного историописания. Автором была создана своеобразная матрица исследования исторических текстов, крайне актуальная сегодня в связи с тем, что она определяет проблемный подход в этом направлении исторической науки, абсолютно не имеющем никаких перспектив в развитии, если по-прежнему центром его внимания будут оставаться отдельные ученые и историографические школы.

Определённые моменты историографического изучения заявленной тематики отмечаются в работах авторов данной статьи [11—13]. Указывается в первую очередь на вклад российской и советской ассириологии.

Недостаточное количество работ историографического характера по проблематике зарождения и развития исторических знаний на Древнем Востоке объясняется также чрезмерной широтой и обилием древних текстов. Даже одних текстов ближневосточного исторического описания такое множество, что полный охват их практически невозможен. Представляется целесообразным выделить опорные тексты и в качестве таковых выбрать те произведения, которые отличаются информативной насыщенностью и многогранностью [10, с. 15].

Методология и методы исследования. Теоретико-методологические основы статьи опираются на основополагающие, выработанные историческим мышлением принципы и методы научного исследования. Будущее исторической науки будет определяться многообразием методологических подходов и исторических концепций, которые все не смогут претендовать на универсальность [14, с. 41]. Это состояние философии истории и историографии, как одной из форм проявления философского осмысления прошлого, и объясняет, почему в последние десятилетия не появилось принципиально новых концепций исторического процесса [15, с. 48].

В решении поставленных исследовательских задач авторы опирались на основополагающие принципы исторической науки — историзма и объективности, а также ценностный подход. Практическим воплощением вышеназванных принципов в процессе подготовки настоящей работы было применение общенаучных и специально-исторических методов. Методы, применяющиеся в историографии, хоть и используются в других областях исторической науки, но имеют существенную специфику. Наиболее широко используемыми специально-историческими методами являлись: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективного и перспективного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В научной литературе неоднократно отмечалось, что «вопрос о том, когда и где могут быть найдены истоки историографии, есть вопрос исторический», и, каким бы ни был ответ, он не имеет никакого отношения к оценке культуры соответствующего народа [16, с. 83]. Следует заметить, что «исторический интерес сам историчен» [17, с. 38]. Определив исторический интерес как категорию, которая фиксирует две группы отношений, а именно отношения человека к объективной исторической действительности в ее конкретных проявлениях на определенной стадии развития социальных изменений и отношения, выделяемые мышлением в самой действительности в науке, датировать его рождение VI—V веками до н. э. в Греции [17, с. 47].

Сформулированный в начале нашего века патриархом немецкой классической филологии У. фон Виламовиц-Меллендорфом [4, с. 5—6] тезис, что «все наши исторические писания основываются на началах, заложенных греками», доминирует в исторической науке наших дней, особенно в исследованиях античности. В западноевропейской историографической традиции долгое время, вероятно, по причине господствующего европоцентризма доминировала идея о создании исторической науки Древней Грецией. На протяжении почти всего XX века преобладала модель Ф. Якоби [5]. Он выделил пять субжанров античной историографии на основе хронологического принципа: 1) генеалогия/мифография; 2) этнография; 3) история времени; 4) хронография; 5) хорография (местная история). Главное отличие схемы Ф. Якоби: местная история появляется последней как реакция на сочинения Геродота [5]. Для Ф. Якоби и его последователей, т. е. для большинства антиковедов XX века, развитие греческой историографии в значительной мере было связано с личным развитием Геродота от этнографа к историку. Подобную точку зрения высказывают и западные ученые [18, с. 281—284; 19, с. 2—3; 20, с. 336].

Подтверждением этого положения могут также служить слова советского исследователя Э. Д. Фролова: «Надо сразу же и со всей определенностью подчеркнуть, что история как особый вид научного знания или, лучше сказать, творчества была детищем именно античной цивилизации» [21, с. 83].

В научной литературе предмета исследования неоднократно отмечалось, что Древний Восток оказал влияние на формирование древнегреческой историографии. Свидетельства Геродота, Платона, Страбона, Диодора указывают на непосредственное влияние древневосточной культуры на греческую. Однако не влияние и заимствование обусловили возникновение исторической науки в Древней Греции — она явилась результатом сложных процессов этнокультурного и исторического развития греческого народа, самих греческих полисов. Ко времени появления ветхозаветных исторических книг у эллинов имело место этико-художественное восприятие мира у Гомера и рационалистически-религиозное и философское его понимание у Гесиода; сложилась традиция индивидуализированного творческого отношения к прошлой и современной действительности, что нашло свое отражение в циклической поэзии и раннегреческой лирике; в материалистическом и натурфилософском объяснении космоса (т. е. природы и общества) ионийскими философами. Результатом этого и явилось у эллинов циклическое восприятие исторического процесса и историзма и нелинейное понимание исторического времени.

Эти положения присутствовали и в советской историографии, в том числе раннего периода [21]. В советской историографии следует отметить исследование А. И. Немировского «Рождение Клио: у истоков исторической мысли» [9], которое до сих пор остается единственным примером целостного рассмотрения античной традиции историописания. В книге исследованы проблемы возникновения античной историографии и процесс ее развития в закономерных связях с другими литературными и научными формами, в ее обусловленности социальными отношениями и политической борьбой. На основе анализа трудов Гекатея Милетского, Геродота, Фукидида, Аристотеля, Полибия, Саллюстия, Ливия, Тацита, Аммиана Марцеллина делается попытка выявления особенностей и теоретических аспектов античной исторической мысли. А. И. Немировский считал, что родиной исторической науки является именно Древняя Греция. Поводом для написания его монографии являлась довольно напряженная дискуссия о месте зарождения исторической науки.

А. И. Немировский отмечает, что к VI веку до н. э. возникли два противоположных понимания истории: 1) ветхозаветное, библейское, основанное на сугубо религиозном мышлении, религиозно-философском восприятии исторического прошлого и настоящего и на линейном понимании исторического времени; 2) древнегреческое, основанное на светском характере мышления, рационалистически философском объяснении прошлого и настоящего и соответствующем этому объяснению циклическом понимании исторического времени [9].

Греческая модель происхождения исторической науки была подвергнута существенной критике в современной исторической науке, в частности К. Джойс [22]. В настоящее время выдвигается мнение, что годы жизни и деятельности многих греческих историков сомнительны, к тому же путь к «совершенной» историографии, предложенный Ф. Якоби, столь же сомнителен, сколь и античная схема Дионисия Галикарнасского. За 800 лет от Геродота до Евнапия более тысячи античных авторов, о существовании которых известно, написали исторические труды. Так, Ф. Якоби считал, что никакие жанры или авторы не должны быть в привилегированном положении; нужно рассматривать всю совокупность исторических сочинений [5].

Можно утверждать, что в последние десятилетия оформились два подхода к зарождению античной историографии. Сторонники «исторического» подхода продолжают рассматривать античных историков как предшественников современных ученых-историков, заложивших основы метода исследования прошлого. Однако адепты «риторического» подхода считают античных авторов прежде всего писателями, озабоченными литературными («риторическими») достоинствами своих сочинений в гораздо большей степени, нежели поиском исторической истины. А. Момильяно, признавая новизну и обоснованность некоторых

выводов ученых — сторонников «риторического» подхода к античной историографии, все же склоняется к более традиционному, состоящему в том, что современная историческая наука не возникла «из ничего», некоторые методы и подходы античных авторов мало отличаются от методов и подходов современных историков [6].

В западной историографии в середине XX века было распространено утверждение о том, что историческая наука возникла на Древнем Востоке, чему в немалой степени способствовали популярные в начале XX века идеи О. Шпенглера, одного из основоположников философии циклизма [23]. Отказавшись от идеи эволюционного развития, О. Шпенглер рассматривал историю как ряд автономных циклов, культур. Каждая культура, по его мнению, развивается самостоятельно, но, благодаря морфологии культур, можно вскрыть некоторые аналогии и сходства между ними. Характеризуя античную цивилизацию, О. Шпенглер утверждал, что греки были самым аисторичным народом, их мысль была геометрической, визуальной [23, с. 12].

Эту идею подхватили и развили те исследователи, которые, сравнивая греческую историческую мысль с ближневосточной, в частности ветхозаветной, отдавали предпочтение последней [24, с. 15]. Так, нидерландский историк Г. Боман в своей книге «Еврейское мышление в связи с греческим» считал, что грекам не присущ историзм, и даже Фукидид, по его мнению, был далек от него, ибо история понималась им как вечное повторение одних и тех же событий и явлений [25]. Статичности и цикличности греческой мысли Г. Боман противопоставлял поступательный библейский динамизм. Поэтому он считал, что большинство ветхозаветных книг исторично, так как история понимается Библией как движение. Там, где в античности Г. Боман встречал элементы динамики, он приписывал это заимствованию с Востока [24, с. 13].

Показательно, что в настоящее время сторонники зарождения истории в Греции все чаще и чаще признают появление на Древнем Востоке задолго до эллинов сочинений, которые У. фон Виламовиц-Меллендорф [4, с. 5—6] назвал «своего рода хрониками». В свою очередь, Р. Дж. Коллингвуд [26, с. 16—18] определил две разновидности квазиистории — как миф и теократическую историю. Подобную позицию занял советский историк Э. Д. Фролов: «Разумеется, и у других древних народов, и в частности в соседних с греками странах классического Востока, бытовал интерес к прошлому и существовали известные формы фиксации главных, знаменательных событий из этого прошлого... Однако... историописание здесь остановилось на подступах к собственно истории» [21, с. 83].

Отметим, что, по мнению большинства исследователей, «собственно история» в Греции отличалась от «историописания» на Древнем Востоке. Наиболее полное и развернутое суждение на этот счет принадлежит Р. Дж. Коллингвуду [26, с. 20]. Он утверждает, что «из четырех постулируемых им основных признаков истории — история научна, поскольку начинается с постановки вопроса, она гуманистична, поскольку задает вопросы о сделанном людьми, она рациональна, поскольку обосновывает даваемые ею ответы, обращаясь к источнику, и, наконец, она служит самопознанию человека — в древневосточном историописании нет ни одного, следовательно, оно должно быть признано лишь квазиисторией» [26, с. 23]. Подобную точку зрения высказывали и другие западные историки [18, с. 281—284; 19, с. 2—3], а в русскоязычной литературе — А. Ф. Лосев [27, с. 3].

Принципиально важным, по мнению И. П. Вейнберга, является уточнение категориального аппарата, терминологическая ясность и четкость. Историописание, здесь И. П. Вейнберг солидарен с М. А. Баргом [1], «это процесс наделения значением (или, наоборот, отрицания значения) явлений действительности» [10]. Другой важной проблемой, которая должна находиться в поле зрения современного исследователя, является историческая традиция. При этом, по мнению И. П. Вейнберга, следует учитывать, что само возникновение отношения к исторической традиции включает не только осознание факта ее существования, но также понимание необходимости производить при подходе к ней какой-то выбор и проверку (селективно-критическое отношение к источникам: умолчание и модификация) [10].

Развивая этот посыл, И. П. Вейнберг определяет источники, на которых сосредоточивается интерес в изучении историописания. «Это тексты, общим признаком для которых является то, что их основная коммуникативная функция — фиксация, осмысление и оценка событий и явлений прошлого» [10]. Главным критерием отбора «текста» для изучения исторической мысли служат его сосредоточенность на информации о прошлом, объем и значение этой информации в данном «тексте». Изучение исторических текстов должно охватывать их форму и содержание, создание, функционирование, их комплексное рассмотрение с учетом особенностей локальных историописаний в диахронно-синхронистической взаимосвязанности. Важнейшим исследовательским приемом в изучении истории исторического знания, по мнению автора, является системный подход, признающий восприятие прошлого человеком как структуру или подсистему той многосложной системы, какую являет собой общество [10].

Интересная характеристика историзма ветхозаветных книг Библии в контексте ближневосточного историописания дана И. П. Вейнбергом [10]. В труде на материалах позднеегипетских, новоассирийских, нововавилонских, среднеперсидских и ветхозаветных источников раскрываются особенности древневосточной исторической мысли, показаны ее становление и ранний период развития.

В научной литературе утверждается, что к завершающему этапу развития древневосточной литературы принадлежит Библия. В силу своего сравнительно позднего происхождения Библия объединила все, что дали народы Древнего Востока в области осмысления истории, и уже в силу этого продвинула историописание на более высокую ступень. Кроме того, разрушение самостоятельности древнееврейских царств, ассирийское и вавилонское пленения были восприняты древнееврейскими писателями и жрецами как драма всего человечества, требующая не простого пересказа в духе старинных хроник, но религиозно-философского и исторического осмысления [10].

Хрестоматийным стало утверждение У. Э. Ирвина, что «история — та тема, которая всецело пронизывает Ветхий завет», соответствует действительности. Ведь в произведениях ветхозаветного канона развернуто грандиозное историческое полотно — от сотворения мира и человека до времен персидского господства (V век до н. э.). В центре этого полотна — история «своего» народа, но рассмотренная в общемировом масштабе (под «миром», естественно, подразумевался Древний Ближний Восток) [10, с. 19].

Все это позволяет ветхозаветным сочинителям выступать выразителями не только собственной исторической мысли, но в значительной степени отражать также историческую мысль соседних стран и народов. Этому в немалой степени способствовало положение Палестины в самом центре «плодородного полумесяца», постоянная причастность ее к важнейшим событиям и процессам ближневосточной истории, ведь Палестина входила в состав «мировых держав» I тысячелетия до н. э., значительная «открытость» страны и существовавших там обществ, постоянные, зачастую личностные контакты с окружающим миром [10, с. 20].

В 1916 году Э. Олмстед опубликовал свое исследование «Ассирийская историография». С тех пор число работ, посвященных восточному историческому описанию или историческому интересу, древневосточной историографии, идее истории, исторической мысли и т. д., быстро увеличивалось и продолжает расти. В них ведутся горячие споры о наличии или отсутствии на Древнем Ближнем Востоке описания истории, исторической мысли, о сущности и особенностях древневосточного восприятия истории. Так, Л. Балл [28, с. 3] категорически утверждает, что нет ни одного текста, который засвидетельствовал бы присутствие у древних египтян идеи истории. Напротив, М. Вернер [29, с. 44] признает наличие в Древнем Египте активного интереса к своему прошлому. В свою очередь, Дж. У. Томпсон утверждал, что ассирийцы были первыми создателями настоящей исторической литературы [30, с. 11].

Заключение. Результатом дискуссий о месте возникновения исторической науки стали два основополагающих оценочных подхода: 1) историческая наука зародилась в античном мире (Греции); 2) историческая наука появилась еще на Древнем Востоке (прежде всего

Месопотамии). Первая концепция долго являлась господствующей в историографии, однако со второй половины XX века на первые позиции стала выходить ближневосточная версия происхождения исторической науки. При этом основные положения этих позиций как противоречили друг другу, так и логично взаимно дополнялись.

Список цитируемых источников

1. Барг, М. А. Эпохи и идеи. Становление историзма / М. А. Барг. — М., 1987.
2. Завадская, Е. В. Восток на Западе / Е. В. Завадская. — М., 1970.
3. Михайлов, А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII—XIX вв. Античность как тип культуры / А. В. Михайлов. — М., 1988.
4. Wilamowitz-Moellendorf, U. Greek Historical Writing and Apollo / U. Wilamowitz-Moellendorf. — Oxford, 1908.
5. Jacoby, F. Über die Entwicklung der griechischen Historiographie und den Plan einer neuen Sammlung der griechischen Historikerfragmente / F. Jacoby // Klio. — 1909. — Bd. 9. — S. 80—123.
6. Momigliano, A. The Classical Foundation of Modern Historiography / A. Momigliano. — Berkeley, 1990.
7. Woodman, A. J. Past Perspectives: Studies in Greek and Roman Historical Writing / A. J. Woodman, I. S. Moxon, J. D. Smart. — Cambridge, 1986.
8. Marasco, Ed. Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D. / Ed. Marasco. — Leiden, 2003.
9. Немировский, А. И. Рождение Клио: у истоков исторической мысли / А. И. Немировский. — Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. — 351 с.
10. Вейнберг, Й. Рождение истории: Историческая мысль на ближнем Востоке середины I тысячелетия до н. э. / Й. Вейнберг. — URL: <https://www.labyrinth.ru/books/55001/> (дата обращения: 30.04.2024).
11. Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед. Историографическое изучение Древней Вавилонии: периоды и особенности / Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед // Наука и инновации. Современные концепции : сб. науч. ст. по итогам работы междунар. науч. форума. — М., 2024. — Т. 2. — С. 83—90.
12. Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед. Исторические знания в период вавилонского царства в аспекте развития культуры вавилонского общества в оценке советской историографии / Мохаммед Амир Абдул Джаббар Моха // Наука и инновации. Современные концепции : сб. науч. ст. по итогам работы междунар. науч. форума. — М., 2024. — Т. 3. — С. 74—81.
13. Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед. Культура Вавилонского царства в аспекте возникновения и развития исторических знаний в оценке советской историографии (20 — нач. 50-х гг. XX века) / Мохаммед Амир Абдул Джаббар Мохаммед, Т. Т. Кручковский // Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки». — 2024. — № 1 (15). — С. 55—70.
14. Нечухрин, А. Н. Содержание понятия «кризис историографии» / А. Н. Нечухрин, С. П. Рамазанов // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны : навук. зб. / С. М. Ходзін (адк. рэд.). — Мінск, 2007. — Вып. 3. — С. 35—46.
15. Кручковский, Т. Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX — начала XX века : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.09 / Т. Т. Кручковский. — Минск, 2017. — 338 л.
16. Pečírka, J. A Note on the Discussion. Aspects of Ancient Oriental Historiography / J. Pečírka. — Prague, 1975.
17. Ракитов, А. И. Историческое познание. Системно-гносеологический подход / А. И. Ракитов. — М., 1982.
18. Finley, M. I. Myth, Memory and History / M. I. Finley // HaThR. — 1965. — Т. 3.
19. Fritz, K. Die griechische Geschichtsschreibung / K. Fritz. — Berlin, 1967.
20. Miller, P. D. El the Creator of Earth / P. D. Miller. — BASOR, 1980.
21. Фролов, Э. Д. Факел Прометея. Очерки античной общественной мысли / Э. Д. Фролов. — Л., 1981.
22. Joyce, C. Was Hellanikos the First Chronicler in Athens? / C. Joyce // History. — 1999. — No 3.
23. Шпенглер, О. Закат Европы : в 2 т. / О. Шпенглер. — М., Мысль, 1993.
24. Бобкова, М. С. История исторической мысли: люди и тексты / М. С. Бобкова // Люди и тексты. Исторический альманах. — М., 2011. — С. 9—53.
25. Votan, G. Das hebraische Denken im Vergleich mit den Griechischen / G. Votan. — Göttingen, 1959.
26. Коллингвуд, Р. Дж. Идея истории. Автобиография / Р. Дж. Коллингвуд. — М., 1980.
27. Лосев, А. Ф. Античная философия истории / А. Ф. Лосев. — М., 1977.
28. Bull, L. Ancient Egypt. The Idea of History in the Ancient Near East / L. Bull. — New Haven — London, 1966.
29. Verner, M. The Ancient Egypt Confrontation of Man and Time // Aspects of Ancient Oriental Historiography / M. Verner. — Prague, 1975.
30. Thompson, J. W. A History of Historical Writing I / J. W. Thompson. — New York, 1942.

Поступила в редакцию 21.11.2024.